

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-2-63-76>

Исследовательская статья
УДК: 341.1/8
Поступила в редакцию: 08.07.2022
Принята к публикации: 01.06.2023

Марина Владимировна ГОЛУБЕВА

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации

Воробьевское шоссе, д. 6А, Москва, 119285, Российская Федерация

marinagolubeva@inbox.ru

ORCID: 0009-0006-7798-5452

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДОКТРИН МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (XIX-XX ВВ.)

ВВЕДЕНИЕ. Расширение сообщества государств с обретением независимости бывшими европейскими колониями в Латинской Америке стало новым историческим фактом, который способствовал эволюции международного права. На базе латиноамериканской доктринальной мысли и дипломатической международной практики были провозглашены принципы, закрепленные сегодня в универсальных международно-правовых актах. Международное право зачастую рассматривается с евроцентристской точки зрения, при таком взгляде влиянию латиноамериканской доктрины на развитие международного права на универсальном уровне остается мало внимания. Поэтому представляется целесообразным осветить вопрос – в исторической ретроспективе – о вкладе латиноамериканских государств в формирование международного права и международного правосознания.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалами для исследования послужили международно-правовые нормы универсального и регионального характера, труды отечественных и латиноамериканских ученых. При написании статьи были использованы общенаучные и частнонаучные методы, а именно, дедукции и индукции, анализа и синтеза, исторический метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье раскрываются истоки доктрин международного права, разработанные латиноамериканскими авторитетными юристами-международниками, государственными и политическими деятелями в XIX-XX вв. Данные доктрины оказали значительное влияние на становление и развитие международного права не только в латиноамериканском регионе, но и в мире в целом, повлияли на выработку позиций латиноамериканских государств на международной арене.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. В статье обосновывается вывод о том, что необходимо рассматривать современное международное право с учетом значимого вклада латиноамериканских государств в его эволюцию на универсальном уровне; раскрывается взаимосвязанность принципов в доктринах латиноамериканских юристов и государственных деятелей, вошедших в систему международного права на универсальном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доктрина, международное право, Латинская Америка, договоры, институты, принципы, применение силы, невмешательство во внутренние дела государства, признание правительств

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Голубева М.В. 2023. Исторические истоки доктрин международного права в Латинской Америке (XIX-XX вв.) – *Московский журнал международного права*. №2. С. 63–76. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-2-63-76>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

HISTORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-2-63-76>

Research article
UDC: 341.1/8
Received 8 June 2022
Approved 1 June 2023

Marina V. GOLUBEVA

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for the Economic Development of the Russian Federation

6a, Vorobyovskoye shosse, Moscow, Russian Federation, 119285

marinagolubeva@inbox.ru

ORCID: 0009-0006-7798-5452

HISTORICAL ORIGINS OF THE INTERNATIONAL LAW DOCTRINES IN LATIN AMERICA (XIX-XX CENTURIES)

INTRODUCTION: *The expansion of the community of states with independence of former European colonies in Latin America was a new historical fact that contributed to the evolution of international law. On the basis of Latin American doctrinal thought and international diplomatic practice the principles enshrined today in universal international legal acts were proclaimed. International law is often viewed from a Eurocentric point of view, with such a position little attention is paid to the influence of Latin American doctrine on the development of international law at the universal level. Therefore, it seems appropriate to highlight the question - in a historical retrospective - about the contribution of Latin American states to the formation of international law and international legal consciousness.*

MATERIALS AND METHODS: *The materials for the study were the international legal norms of univer-*

sal and regional nature, the works of national and Latin American scientists. When writing the article, general and particular scientific methods were used, namely, deduction and induction, analysis and synthesis, the historical method.

RESEARCH RESULTS: *The article reveals the origins of the doctrines of international law developed by Latin American authoritative international lawyers, state and political figures in the XIX-XX centuries. These doctrines had a significant impact on the formation and development of international law not only in the Latin American region, but also in the world as a whole, influenced the development of positions of Latin American states in the international arena.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS: *The article substantiates the conclusion that it is necessary to consider modern international law, taking into account the significant contribution of Latin American states to*

its evolution at the universal level; reveals the interconnection of the principles in the doctrines of Latin American lawyers and state figures that were included in the system of international law at the universal level.

KEYWORDS: *doctrine, international law, Latin America, treaties, institutions, principles, use of force, non-interference in the internal affairs of a state, recognition of governments.*

FOR CITATION: Golubeva M.V. Historical Origins of the International Law Doctrines in Latin America (XIX-XX centuries). – *Moscow Journal of International Law*. 2023. No. 2. P. 63–76. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-2-63-76>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Международное право развивается и переживает эволюционные этапы на протяжении всей своей истории под воздействием условий объективной реальности и доктринальных концепций. При этом вклад доктрин международного права, разрабатывавшихся в Латинской Америке, изучен в российской правовой науке в наименьшей степени.

Территория Латинской Америки исторически долго находилась в статусе колоний Испании, Португалии и др. европейских государств, но уже в конце XVIII- начале XIX вв. на континенте были провозглашены первые государства в качестве независимых субъектов международного общения. Страны Латинской Америки, ставшие впервые субъектами международного права в результате обретения статуса независимых государств после распада колониальной системы, столкнулись с необходимостью адаптации к существующему международно-правовому порядку, учета собственных интересов в международном праве и выработки своих подходов к нему. Для этого в целях разработки внешнеполитических и международно-правовых шагов были использованы доктрины, выдвинутые и сформулированные латиноамериканскими юристами, государственными и политическими деятелями.

Первые внешнеполитические доктрины, созданные на фоне появления и расширения числа государств, были положены в международно-правовую основу отношений этих государств

между собой и с третьими странами. В качестве главных в эту основу вошли идеи «независимости и автономности» [Menezes 2010:24], невмешательства во внутренние дела, неприменения силы, равноправия государств, равенства иностранных и национальных граждан и др. Многие из этих идей появились и были развиты впервые именно в Латинской Америке – раньше, чем в Европе, и раньше, чем они были закреплены в Уставе ООН¹, – и этим подтверждается первенство латиноамериканских государств в становлении и развитии многих принципов и институтов современного международного права.

Общий цивилизационный взгляд группы латиноамериканских государств на будущие взаимоотношения был впервые отражен на многосторонней основе на первой региональной конференции в Латинской Америке – Панамском (Анфикионском) конгрессе 1826 г., результатом которого стал Договор о постоянном союзе, лиге и конфедерации, который предусматривал объединение иберо-американских народов от Мексики до Чили и Аргентины. В преамбуле Договора указывалось, что стороны «желают укрепить близкие отношения, которые существуют в настоящее время, и более торжественно и стабильно закрепить те, которые должны отныне существовать между всеми и каждым государством, что отвечает интересам народов, имеющим общее происхождение...»².

Договор стал первым в Латинской Америке международно-правовым актом, утвердившим суверенитет и независимость, а также права че-

¹ См.: Устав ООН. Доступ: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 25.04.2023).

² Данный договор был ратифицирован только Великой Колумбией (1837) и не вступил в силу. См.: *Tratado de Unión, Liga y Confederación Perpetua entre las Republicas de Colombia, Centro America, Perú y Estados Unidos Mexicanos*, 15 de Julio de 1826 (Congreso de Panamá, 1826). URL: <https://www.dipublico.org/12355/tratado-de-union-liga-y-confederacion-perpetua-entre-las-republicas-de-colombia-centro-america-peru-y-estados-unidos-mexicanos-15-de-julio-de-1826-congreso-de-panama-1826/> (accessed 22.04.2023).

ловека в свойственном тому историческому периоду правопонимании: он, в частности, провозгласил отмену рабства. С этого момента началось активное развитие международно-правовых институтов с латиноамериканской спецификой. Так, например, появились нормы и институты, касающиеся мирного разрешения споров между государствами; получили развитие принцип невмешательства во внутренние дела государств и принцип самоопределения народов. В появлении новых норм и институтов международного права, а также региональных договоров большую роль сыграли научно-правовые и политические доктрины и концепции: доктрина Кальво; доктрина Драго; доктрина Тобара и др. [Menezes 2010:142]. Данные доктрины, получившие начало из внешнеполитической дипломатии латиноамериканских государств, являлись во многом протестом против агрессивных действий европейских государств и сдерживания нарастающей экспансии США, которые, провозгласив доктрину Монро (1823), заявляли свои претензии на господство на латиноамериканском континенте [Villarroel Peña 2011:114, 117].

В латиноамериканской международно-правовой науке подчеркивается вклад в развитие международного права на универсальном уровне не только посредством наиболее передовых концепций международного права в Латинской Америке, но и резолюциями, принятыми на международных конференциях американских государств в конце XVIII века – еще до Первой Гаагской мирной конференции 1899 г.³ Положения и нормы регионального уровня нашли отражение в актах универсального уровня. Передовые элементы разного рода доктрин в Латинской Америке, по мнению латиноамериканских ученых-правоведов, были воплощены и на Второй Гаагской мирной конференции⁴, а в середине XX века в формулировках фундаментальных принципов международного права, получивших закрепление в Уставе ООН – негласной конституции современного мирового сообщества. В 1928 г. была принята Конвенция о международном част-

ном праве, приложением которой был Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте) [Ерпылева, Гетьман-Павлова, Касаткина 2021:206]⁵. Таким образом, латиноамериканские государства опередили многие европейские страны в вопросах кодификации международного частного права, начав данные процессы еще в 1850-х гг.

2. Доктрина Кальво и принцип невмешательства

Определяющим принципом большинства ранних латиноамериканских доктрин, которые лежат в основе современного международного правосознания в Латинской Америке, явился принцип невмешательства. Одним из первых обращений к принципу невмешательства в Латинской Америке в XIX в. стала доктрина аргентинского дипломата и юриста-международника Карлоса Кальво (Carlos Calvo), представленная им в работе «Derecho Internacional teórico y práctico de Europa y América» (1868) [Calvo 1868:134-188]. Идея невмешательства во внутренние дела государств рассматривалась в контексте равноправия между гражданами и иностранцами. На практике «проблема иностранцев» была связана со статусом «иностран-ных инвесторов», и доктрина Кальво предполагала закрепление международными договорами отказа от дипломатической защиты граждан (инвесторов) государствами-партнерами, чтобы не допустить вмешательства иностранного государства в дела Аргентины под предлогом дипломатической защиты зарубежных инвесторов в Аргентине. Имелось в виду, что споры, которые могут возникнуть в стране с участием иностранного инвестора – это внутреннее дело государства пребывания инвестора. И такой спор не должен приобретать международного характера, пока не исчерпаны все внутренние средства правовой защиты инвестора [Мамедов 2021:68-69]. Исковые требования на частноправовом уровне и соответствующие внутренние судеб-

³ См.: The Hague Peace Conventions and Declarations of 1899 and 1907 accompanied by Tables of Signatures, Ratifications and Adhesions of the Various Powers and Texts of Reservations. Edited by James Brown Scott. New York. Oxford University Press. 1915. P. 303.

⁴ Ibidem.

⁵ См.: Convención—Derecho internacional privado (VI Conferencia Internacional Americana, La Habana – 1928). URL: <https://www.dipublico.org/14283/convencion-derecho-internacional-privado-sexta-conferencia-internacional-americana-la-habana-1928/> (accessed 25.04.2023).

ные решения не должны вести к вмешательству иностранного государства. Отсюда проистекал вывод о приоритете национального права в том, что касается регулирования отношений граждан с иностранцами, в том числе в инвестиционной сфере, сфере судебного производства и исполнения судебных решений.

Еще один важный аспект доктрины Кальво, тоже связанный со становлением принципа невмешательства государств во внутренние дела других стран, состоял в позиции, касающейся частных долгов граждан в пользу иностранцев, которыми, как правило, оказывались в Латинской Америке граждане европейских государств: взыскание долгов не может быть основанием для вооруженного вмешательства государства, защищающего интересы кредиторов; государство пребывания иностранцев-кредиторов не может, и не должно, нести ответственность за потери, понесенные этими иностранцами-кредиторами, в том числе и в случаях гражданской войны или внутреннего мятежа. Кальво видел связь между ситуацией вмешательства/невмешательства и идеей равноправия, которая в конечном итоге вела к принципу суверенного равенства государств, какими бы – сильными или слабыми – они ни были. Доктрина Кальво прочно вошла в международное правосознание, получив закрепление в рамках Панамериканских конференций и законодательных актов латиноамериканских государств.

Выдающийся мексиканский юрист-международник Сесар Сепульведа (César Sepúlveda) указывает на необходимость различать понятия доктрины Кальво как идейной основы для формирования внешнеполитической позиции и так называемой клаузулы Кальво – законодательного положения в соответствующих внутренних актах государств Латинской Америки. Сесар Сепульведа выделяет три разновидности клаузул Кальво [Sepúlveda 2009: 247-255]. Первая – когда законодательно предусматривается, что государство не возлагает на иностранцев больший объем обязанностей и ответственности, чем это предусмотрено конституцией и законами, в частности в случаях гражданских беспорядков. Сюда же относятся положения, предписывающие, что иски иностранцев не могут содержать больший объем средств правовой защиты по сравнению с гражданами, или что иностранцы могут обращаться за помощью по дипломатическим каналам только в случае отказа в правосудии внутри государства пребывания. Обращает на себя вни-

мание, что подобные положения прокладывали и расширяли путь для принципа предоставления национального режима в процессуальной сфере отношений.

Вторая разновидность устойчивых законодательных положений, основанных на доктрине Кальво, касается исчерпания местных средств правовой защиты. Суть таких положений состоит в том, что иностранец обязан исчерпать все средства правовой защиты, предусмотренные нормами страны, в которой он находится, до обращения с просьбой о дипломатической защите; как правило, подобная же норма фигурирует в договорах между иностранными частными лицами (инвесторами) и правительством страны, в которой находится иностранное частное лицо.

Третья разновидность клаузулы Кальво, фиксирует отказ иностранного частного лица (чаще всего инвестора) прибегать к защите своей страны. Как правило, подобная норма включается в соответствующий договор с иностранным частным лицом [Mendoza Bremauntz et al. 2010:43-45]. Как видно, все указанные клаузулы Кальво обеспечивают приоритет внутреннего права в отношениях международного характера. Именно этот аспект – соотношение национального законодательства и норм международного права в регулировании отношений международного характера – можно считать квинтэссенцией доктрины Кальво, а в конечном итоге вкладом латиноамериканского правосознания в научную разработку ряда институтов и принципов международного права.

На Второй Гаагской мирной конференции (1907) бразильский государственный деятель Руи Барбоса (Rui Barbosa) подчеркнул важность доктрины Кальво [Cançado Trindade, Moreno 2003a:40]. Доктрина, по его словам, способствовала формированию общего видения, основанного на взаимном уважении и принципе невмешательства во внутренние и международные дела. Он обратил внимание, что она играет важную роль в защите прав наиболее слабых (это приближает ее, добавим от себя, к идее обеспечения справедливости в международных отношениях, близкой русскому правосознанию).

Доктрина Кальво «проложила мостик» к широкому пониманию равноправия – от равноправия между гражданами и иностранцами к равноправию между государствами; связала два принципа: принцип невмешательства и принцип равенства национальных и иностранных граждан, чем предвосхитила норму Декларации

принципов международного права (1970)⁶, устанавливающую взаимосвязь всех современных принципов международного права.

3. Доктрина Драго и принцип неприменения силы

С принципом невмешательства была связана также доктрина другого авторитетного латиноамериканского юриста и государственного деятеля, министра иностранных Аргентины, Луиса Мария Драго (Luis María Drago), выступившего последователем Кальво. Луис Мария Драго резко осудил бомбардировки венесуэльского побережья (1902), которые последовали со стороны европейских государств в качестве санкции за невозврат *государственного* долга, и тем самым поддержал идею неприменения силы по финансовым основаниям, считая это отступлением от принципа равноправия государств. В ноте Луиса Мария Драго утверждалось, что государственный долг не может служить причиной вооруженного вмешательства и тем более военной оккупации земель американских народов со стороны европейских государств. Данная позиция легла в основу всех последующих внешнеполитических действий и международно-правовых отношений латиноамериканских стран [Drago 1906: 9-26].

Доктрина Драго так или иначе была связана с американской доктриной Монро, которой США провозгласили, что любая попытка Европы восстановить свою власть над латиноамериканскими странами будет трактоваться как угроза безопасности и нарушение жизненно важных интересов США (1823)⁷. В таком контексте доктрина Монро на первых порах означала поддержку латиноамериканских молодых государств, недавно получивших независимость от европейских метрополий; помогала противостоять возможным нападениям со стороны стран Священного Союза на бывшие испанские и английские территории в странах Карибского бассейна. Со временем политика и практика реализации доктрины Монро трансформировалась в открытую экспансию в Латинской Америке: в 1904 году президент США Теодор Рузвельт (Theodore Roosevelt) про-

возгласил право США вторгаться на территорию латиноамериканских государств для восстановления правопорядка и противодействия нарушению законности [Tah Ayala 2021:181-183]. Таким образом, США легализовывали претензию на господствующее влияние в Латинской Америке. Произошло столкновение идей, цивилизационных ценностей зарождавшегося гегемона с его доктриной *Rex Americana* и группы слаборазвитых стран, доктринально закрепивших принцип невмешательства государств во внутренние дела друг друга. В этих условиях доктрина Драго, опираясь на принцип невмешательства, противостояла доктрине Монро и экспансионизму США.

Доктрина Драго была признана подавляющим большинством стран континента; она получила дальнейшее развитие на Второй Гаагской мирной конференции (1907). Специфическим содержанием доктрины стала связь неприменения силы и невмешательства в дела государств с проблемой государственного долга – с международным долговым правом. Запрет на применение силы в целях взыскания государственного долга можно считать нормой номер один в международно-правовом институте международного долгового права. В то же время американская дипломатия попыталась ослабить, смягчить потенциал доктрины неприменения силы при взыскании государственного долга: была предложена конвенция, разрешавшая такое применение силы при условии, что государство-должник отказывается от разрешения вопроса в арбитражном порядке или не исполняет арбитражного решения⁸. По сути дела, такая постановка вопроса означала принуждение – под угрозой применения силы – к арбитражу и к выполнению любого его решения. В более широком контексте это вело к легализации угрозы силой и невоенного принуждения, а как следствие к нейтрализации изначальной доктрины Драго, жестко направленной против применения силы без исключений.

В результате столкновения позиций сторон на IV Международной американской конференции (1910) государства-участники признали международный арбитраж в качестве процессуального механизма разрешения споров, касающихся

⁶ См.: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 года. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 20.04.2023).

⁷ См.: Monroe Doctrine. 1823. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/monroe-doctrine> (accessed 29.04.2023).

⁸ Она получила название «Конвенции Портера».

возмещения материального ущерба⁹. Было положено начало активному использованию арбитражей, и это до сих пор является отличительной чертой практики взаимоотношений латиноамериканских стран. В определенном смысле доктрина Драго непроизвольно взрастила новый на тот момент международно-правовой механизм разрешения споров – межгосударственный арбитраж.

Однако сама по себе идея неприменения силы в ее жестком доктринальном виде обсуждалась впоследствии на Межамериканской конференции по строительству мира в Буэнос-Айресе (1936)¹⁰, но не получила необходимой поддержки, поскольку считалась чисто латиноамериканской. И только затем она стала выходить на экстраконтинентальный уровень. Сначала она была закреплена в Уставе ОАГ (ст. 16-18)¹¹, а затем принцип неприменения силы вошел и в Устав ООН (ст. 2 § 4) как обязанность не применять силу против территориальной целостности любого государства. Отсюда следует, что истоки одного из основополагающих принципов современного международного права лежат в доктрине Драго [Lorences 2015:3].

Вся история взаимоотношений государств Латинской Америки между собой и с третьими странами раскрывает особый интерес к международно-правовой проблематике неприменения силы, невмешательства во внутренние дела, равноправия государств, в том числе в их взаимосвязи. Принцип невмешательства в межгосударственные дела получил закрепление в 1928 году на VI Международной американской конференции в Гаване¹². В Декларации принци-

пов, принятой на Международной американской конференции в Лиме в 1938 году, была провозглашена противоправность применения силы, как инструмента национальной или международной политики¹³. В Мексиканской декларации 1945 года, принятой на Межамериканской конференции по проблемам войны и мира, был подтвержден принцип правового равенства государств¹⁴. Всё это оказало влияние на провозглашение запрета войны в качестве инструмента национальной политики.

От правосознания неприменения силы остается один шаг до идей ненападения, разоружения [Cançado Trindade, Moreno 2003b:42], недопущения войны в любой форме. Не случайно именно Латинская Америка стала первым континентом, объявившим себя зоной, свободной от ядерного оружия¹⁵. В Договоре Тлателолько были сформулированы основные принципы безъядерной зоны, в дальнейшем вошедшие в соответствующие формулировки документов ООН.

4. Пакт Сааведра Ламас и осуждение агрессии

Можно утверждать, что именно латиноамериканским государственным деятелям и юристам-международникам принадлежит приоритет в формировании «правосознания ненападения», противодействия войне – самому ее началу. По крайней мере, вклад латиноамериканской доктрины в становление принципов неприменения силы, запрета на агрессию нельзя отрицать. В 1933 году состоялось подписание многостороннего международного договора о

⁹ См.: Fourth international conference of American States. URL: <https://books.google.td/books?id=gPLKoQEACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 30.04.2023).

¹⁰ См.: Acta final de consolidación de la paz- Buenos Aires. 1936. URL: <https://www.dipublico.org/14960/acta-final-conferencia-interamericana-de-consolidacion-de-la-paz-buenos-aires-1936/> (accessed 20.04.2023).

¹¹ См: Charter of the Organization of American States. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20119/volume-119-I-1609-English.pdf> (accessed 25.04.2023).

¹² См: VI Conferencia internacional americana Habana, 16 de Enero—20 de Febrero de 1928. URL: <https://www.dipublico.org/conferencias-diplomaticas-naciones-unidas/conferencias-inter-americanas/conf-inter-amer-1889-1938/sexta-conferencia-internacional-americana-habana-16-de-enero-20-de-febrero-de-1928/> (accessed 20.03.2023).

¹³ См: Declaración de los principios de la solidaridad de América (VIII Conferencia Internacional Americana, Lima – 1938). URL: <https://www.dipublico.org/15744/declaracion-de-los-principios-de-la-solidaridad-de-america-octava-conferencia-internacional-americana-lima-1938/> (accessed 20.03.2023).

¹⁴ См.: Declaración de México (Conferencia Interamericana sobre Problemas de la Guerra y de la Paz, Ciudad de México – 1945). URL: <https://www.dipublico.org/106504/declaracion-de-mexico-conferencia-interamericana-sobre-problemas-de-la-guerra-y-de-la-paz-ciudad-de-mexico-1945/> (accessed 20.03.2023)

¹⁵ См.: Договор Тлателолько о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1968 года. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tlatelolko.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

«запрете агрессии и примирении», получившего название «Пакта Сааведра Ламаса», названного так в честь министра иностранных дел Аргентины Карлоса Сааведра Ламаса (Carlos Saavedra Lamas), выступившего инициатором Договора¹⁶. Скорее всего, на данную инициативу повлияли события в Европе, где государства во главе с Германией уже готовились к развязыванию Второй мировой войны и одновременно подписывали договоры о ненападении. Указанный Договор 1933 года стал латиноамериканским аналогом европейского Пакта Бриана-Келлога¹⁷: он зафиксировал осуждение актов военной агрессии, закрепил механизмы дипломатического разрешения споров, в том числе касающихся внутренней юрисдикции и конституционных основ задействованных государств; разрешения межгосударственных, и даже внутренних, споров в международных судах [Menezes 2010:151-152]. Содержащиеся в тексте оговорки (исключения) снижали значимость Договора, но при этом он оставался одним из первоначальных источников антивоенного правосознания, хотя на практике не соблюдался.

В статье 1 «Пакта Сааведра Ламас» содержится осуждение агрессивных войн и провозглашается, что урегулирование любых конфликтов должно осуществляться только мирными средствами, закрепленными в международном праве. В статье 2 говорится, что стороны не признают любое территориальное урегулирование, не полученное мирными средствами, и не признают законности оккупации или приобретения территории, достигнутого силой оружия. Согласно статье 3 в случаях агрессии предусматривается использование политических, правовых или экономических средств, разрешенных международным правом. Предусматривается, что стороны приложат все усилия для поддержания мира и, будучи нейтральными, займут общую и солидар-

ную позицию. Статья 4 содержит обязательство сторон в споре передавать его на согласительную процедуру, за отдельными исключениями, связанными с исполнением других договоров и конституционных норм государств-участников. В Договоре видны намерения правотворцев формулировать нормы в соответствии с Пактом Бриана-Келлога [Ruda 1992:31].

Тема осуждения, предотвращения и подавления актов агрессии в связке с принципом мирного разрешения споров, лежащая в основе Пакта, стала впоследствии сквозной нитью Устава ООН (ст. 39, 41, 42) и множества договоров разного уровня; она легла в основу Конвенции об определении агрессии (1933)¹⁸, резолюции ГА ООН «Определение агрессии» (1974)¹⁹. В резолюции подчеркивается, что «агрессия является наиболее серьезной и опасной формой незаконного применения силы». Впрочем, нет в международном праве другой нормы, которая нарушалась бы больше, чем норма о неприменении силы; при этом преобладающая часть международных миротворческих механизмов на протяжении десятилетий оставалась безучастной к фактам агрессии, прежде всего со стороны США и ряда европейских государств.

В современном международном правовом порядке можно усмотреть определенное противоречие между институтом неприменения силы (в том числе противодействия агрессии) и институтами обеспечения безопасности государств [Фархутдинов 2015:34-38]: зачастую для обеспечения своей безопасности – например, для самозащиты – бывает необходимо применить силу; реальная практика и доктрины государств по-разному обосновывают как применение силы в исключительных обстоятельствах, так и сам принцип неприменения силы. Это противоречие напоминает похожее противоречие между принципом самоопределения наций и принципом террито-

¹⁶ См.: Tratado antibélico de no agresión y conciliación (Pacto Saavedra Lamas). URL: <http://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/b-9.html> (accessed 24.04.2023). Пакт был подписан Аргентиной, Бразилией, Чили, Мексикой, Парагваем и Уругваем, позднее к нему присоединились Боливия, Коста-Рика, Гондурас, Куба, Доминиканская Республика, Никарагуа, Сальвадор, Соединенные Штаты Америки, Венесуэла, Перу, Колумбия, Гаити, Гватемала, Панама в числе других государств за пределами континента. Присоединение государств к Пакту завершилось к 1936 году; в 1948 году он был расторгнут.

¹⁷ См.: Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики 1928 г. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901786550?ysclid=li33ywekt4342903955> (дата обращения: 20.03.2023).

¹⁸ См.: London Convention Relating to the Definition of Aggression. URL: <http://www.derechos.org/nizkor/aggression/doc/aggression89.html> (accessed 24.04.2023).

¹⁹ См.: Резолюция ГА ООН «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 25.03.2023).

риальной целостности государств²⁰. Обе ситуации часто возникали в истории Латинской Америки, и доктрины латиноамериканских ученых вынужденно противостояли агрессивной практике США на континенте – и в том, что касается применения силы (агрессии), и в том, что касается вопросов самоопределения наций при соблюдении принципов равноправия государств, невмешательства во внутренние дела, территориальной целостности государств континента. По этой причине идеи противостояния агрессии, закрепленные в «Пакте Сааведра Ламас», следует считать ценным вкладом латиноамериканских доктрин в международное правосознание. Принципы, которых придерживался Карлос Сааведра Ламас, носят доктринальный характер [Problemáticas internacionales...2020: 229-230]. Его идеи перекликаются, среди прочих, с доктринами Луиса Мария Драго и Карлоса Кальво, в которых отображается взаимосвязанность принципов суверенного равенства государств, невмешательства и неприменения силы, поддержания международного мира и безопасности.

5. Доктрина Брюма и принцип солидарности

С международно-правовым институтом противостояния агрессии связана и другая идея, родившаяся в результате истории борьбы стран Латинской Америки за свою независимость и суверенитет как следствие боливарианских заповедей. Это идея солидарности народов континента в случае внешней угрозы (под которой понималась прежде всего угроза со стороны США и ряда метрополий Европы). В 1917 г. Бальтасар Брюм Родригес (Baltasar Brum Rodríguez), занимавший пост министра иностранных дел Уругвая, столкнувшись с последствиями Первой мировой войны, издал министерскую ноту, призывающую к узам дружбы между странами Латинской Америки в том смысле, что любые внешние действия, противоречащие принципам и нормам международного права, осуществляемые против одной из стран Америки, будут обозначать правонарушение, направленное против всех стран, что

должно отобразиться в реализации их совместных ответных действий. Положения данной министерской ноты получили название «доктрины Брюма». По мнению Брюма, применение принципа солидарности во внешней политике должно было обеспечить соблюдение идеалов справедливости и демократии, чтобы более слабые государства не пострадали от несправедливых действий сильных государств.

Бальтасар Брюм был сторонником доктрины Монро и политики панамериканизма. Он предложил идею создания Лиги американских стран, которая должна была определять противоправность внешних действий, направленных со стороны других государств в адрес латиноамериканских стран и США, которые в данном случае должны были предпринять совместные ответные действия. Подразумевалось, что Лига американских стран, где все страны-участницы должны были обладать равными правами, должна была сосуществовать на региональном уровне с Лигой наций посредством совместимости принятых международными организациями целей. Брюм предполагал, что все возникающие споры между американскими государствами любого характера должны рассматриваться арбитражным судом Лиги американских государств [Brum 1920:31-32]. Однако данная идея не получила воплощения вследствие несоответствия интересам США, не желавшим потерять лидерство в объединении американских стран.

Значение доктрины Брюма для континента заключалось в том, что она послужила отправной точкой для разработки принципа общеконтинентальной защиты, который был включен в Межамериканский договор о взаимопомощи (1947)²¹, в Устав ОАГ (1948) в качестве основополагающего принципа регулирования межгосударственных отношений. Интересно, что затем она была воспринята в Уставе НАТО (1949)²² с его известной статьей 5.

Таким образом, принцип солидарности следует считать одним из принципов международного права локального и регионального значения, который призван стоять на страже принципа неприменения силы и противостоять агрессии в

²⁰ Алексанян С. Р. Принцип равноправия и самоопределения народов в современном международном праве. Дисс... канд. юрид. наук. М. 2018. С. 53 и след.

²¹ См.: Tratado Interamericano de Asistencia Recíproca. URL: https://www.iri.edu.ar/publicaciones_iri/manual/Ultima-Tanda/OEA/3.%20TIAR.pdf (accessed 23.04.2023)

²² См.: The North Atlantic treaty. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm (accessed 23.04.2023).

понимании затронутых этим стран. Корни этого принципа уходят в доктрины и практику государств Латинской Америки.

6. Доктрины Тобара, Эстрады и признание правительств

Латиноамериканская действительность прошлого была сопряжена с частой сменой правительств, в том числе насильственной сменой. Каждый раз в межгосударственных отношениях возникал вопрос о статусе нового правительства: насколько оно законно, полномочно и т.д. В качестве отклика на реальную практику были сформулированы две близкие друг другу доктрины, касающиеся признания правительств: доктрина Тобара (1907), автором которой был Карлос Родольфо Тобар (Carlos Rodolfo Tobar), министр иностранных дел Эквадора, и доктрина Эстрады (1930), разработанная Хенаро Эстрадой Феликсом (Genaro Estrada Félix), министром иностранных дел Мексики, которые актуальны и сегодня.

Доктрина Тобара отображала вопрос легитимности правительств и предотвращения внутренних потрясений в государствах; доктрина Эстрады дополняла эти аспекты нюансами невмешательства во внутренние дела, равноправия государств, противостояла признанию де-факто правительств, возникших в результате конституционного переворота. Карлос Тобар считал, что «революционное» правительство может быть признано только после проведения всенародного избирательного голосования в рамках конституционного правового порядка. Таким образом, смена правительств была связана с публичным порядком, правами человека, конституционностью внешнеполитических действий и событий. Доктрина известна также как «доктрина демократической легитимности», или «доктрина конституционной легитимности». Идеи доктрины Тобара отображены в письме, направленном им в адрес консула Боливии в Брюсселе в 1907 г., в котором Карлос Тобар утверждал, что американские государства с целью сохранения своей репутации и исходя из гуманитарных соображений, должны

косвенно вмешиваться во внутренние разногласия государства континента, по крайней мере в форме непризнания правительств, фактически возникших в результате революций, направленных против конституции [Díaz de Zamora, Miró Colmenárez 2022:129].

Карлос Тобар внес заметный вклад в международное правосознание, отразившийся в последующих международно-правовых актах и нормах, за который он был выдвинут на Нобелевскую премию мира (1909). На международной конференции центральноамериканских государств в 1907 году, под эгидой США и Мексики, были подписаны соглашения, предусматривавшие институциональное обеспечение этой доктрины, – в частности создание первого в истории постоянного Центральноамериканского суда, призванного решать дела, касающиеся прав человека.

В этом же году ряд государств Центральной Америки (Коста-Рика, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Эль Сальвадор) подписали Генеральное соглашение о мире и дружбе, в котором предусматривалась процедура признания правительств в увязке с конституционными правовыми порядками и реформами. В ст.1 Дополнительной конвенции, принятой к Генеральному соглашению, было прямо зафиксировано: стороны обязуются «не признавать правительство, которое в одной из пяти республик могло бы прийти к власти в результате переворота или революции против признанного правительства, без проведения конституционной реформы свободно избранного представительного народного органа²³». Данное Генеральное соглашение в 1923 году, на Второй конференции по делам Центральной Америки, было заменено новым аналогичным договором, в котором приведенная выше норма была повторена и расширена²⁴. Это стало подтверждением преемственности сформулированного принципа и его прочного закрепления в международном праве. Доктрина Тобара оказала влияние на внешнеполитическую и международно-правовую позицию США в том, что касается признания правительств и прав человека, включая свободу слова, вероисповедания и др.

²³ См.: Tratado general de paz y amistad 1907. URL: [http://legislacion.asamblea.gob.ni/Instrumentos.nsf/bde7f9f0e2863496062578b80075d822/c2b0cbf6813f6eb6062577c7005b89d5/\\$FILE/1907%20Tratado%20general%20de%20Paz%20y%20Amistad.pdf](http://legislacion.asamblea.gob.ni/Instrumentos.nsf/bde7f9f0e2863496062578b80075d822/c2b0cbf6813f6eb6062577c7005b89d5/$FILE/1907%20Tratado%20general%20de%20Paz%20y%20Amistad.pdf) (accessed 17.05.2023).

²⁴ См.: Pactos de Washington 1923. Tratado general de paz y amistad. URL: https://www.sica.int/cdoc/publicaciones/union/pac_28051927.pdf (accessed 17.05.2023).

Доктрина Эстрады, провозглашенная им в 1930 году в рамках заседания Лиги Наций²⁵ в свою очередь, закрепила идею, что каждый народ имеет право создавать свое собственное правительство и свободно менять его; следовательно, не нуждается в признании со стороны других государств, чтобы считаться легитимным. Понятно, что подобная позиция появилась как реакция на внешнее вмешательство в случаях смены правительств, особенно в критических для стран Латинской Америки ситуациях (в Мексике таким событием явилась революция 1910 года). Хенаро Эстрада, например, формальное признание нового правительства Мексики квалифицировал как вмешательство во внутренние дела страны.

В доктрине Эстрады можно выделить два составных элемента: упор на невмешательство и отказ от практики признания правительств, которые приходят к власти неконституционным путем. При этом в особое место уделяется проблематике самоопределения народов, в данном случае самоопределения в части создания правительств и других органов государственной власти²⁶. Таким образом, и в этой части латиноамериканская международно-правовая мысль и практика оказала огромное влияние на становление и развитие многих известных норм и принципов международного права.

7. Доктрина Ларреты и принцип невмешательства

Идеи защиты прав человека, особенно в периоды нарушения конституционного правопорядка, были продолжены и развиты министром иностранных дел Уругвая, Эдуардо Родригесом Ларретой (Eduardo Rodriguez Larreta) (1945). В доктринальной ноте под названием «Параллель между демократией и миром: международная защита прав человека. Коллективные действия в защиту этих принципов», которую он направил государствам Латинской Америки, утверждалось, что не следует признавать правительства, пришедшие к власти революционным путем, а следует прибегать к коллективному вмешательству в такие государства для восстановления консти-

туционного порядка. Ларрета предлагал рассмотреть и обсудить возможность многосторонних коллективных действий против силовых режимов, нарушающих права человека и гражданина [Álvarez 2021:249]. По его мнению, последствия и уроки Второй мировой войны выявили взаимосвязь между демократией и миром, и принцип невмешательства не может служить прикрытием для нарушения прав человека, региональных соглашений, которые были сформулированы ранее на межамериканских конференциях. Учитывая это, вполне допустимы и необходимы многосторонние коллективные действия, при проведении обширных консультаций, в отношении силовых режимов, даже если они не создают угрозу миру или ими не совершены акты агрессии. Ларрета предложил: в соответствующих случаях «обмениваться мнениями» для реализации совместных действий на основе «братского благоразумия» с целью обеспечения демократических принципов и свобод в соответствующих странах. Этот подход позволял прикрыть красивыми словами о демократии интервенционистские реалии. По сути, доктрина Ларреты вела к ограничению принципа невмешательства, поэтому она не была принята большинством государств континента [Cerrano 2019:2]. Кроме того, можно предположить, что какие-то аспекты доктрины в закулисных, дипломатических перипетиях были подсказаны из США; часть их была использована впоследствии внешнеполитической практикой и международно-правовой аргументацией США, для которых очень характерно – прикрывать свои интересы и правонарушения «благородными причинами». Однако латиноамериканские страны сохранили доктринальное единство в собственных цивилизационных рамках на благо прогрессивного развития международного права и правопорядка.

8. Заключение

Исследование доктринальных особенностей международного правосознания Латинской Америки позволяет сделать вывод о том, что государства региона представляют собой в некотором смысле самостоятельную общность го-

²⁵ См.: Natalicio Genaro Estrada. URL: <https://www.gob.mx/epn/articulos/natalicio-genaro-estrada?idiom=es> (accessed 15.05.2023).

²⁶ См.: Palacios Trevino J. La doctrina Estrada y el principio de la no intervencion. URL : <https://diplomaticosescritores.org/obrasADE/DOCTRINAESTRADA.pdf> (accessed 26.03.2023)

сударств, связанных определенными цивилизационными ценностями, включая общие подходы к международному праву [Шумилов 2014:46-48]. В международном правосознании латиноамериканских государств глубокое отражение нашла своеобразная история, включая колониальное прошлое и постколониальные внутренние конфликты, помноженные на вмешательство со стороны европейских государств и США.

Наибольшими международно-правовыми ценностями для данной группы государств, как показывают приведенные экскурсы в доктрины, являются идейные основы и международно-правовые позиции, касающиеся укрепления суверенитета; конституционных основ внутреннего правопорядка; права государств на самостоятельное формирование правительств и прочих органов власти; общих принципов межгосударственного общежития – недопустимости вмешательства других государств во внутренние и внешние дела стран региона, равноправия, неприменения силы, запрета на агрессию; солидарности в отражении агрессии и вмешательства; защиты прав человека. Все эти идеи рассматривались и развивались системно и комплексно, во взаимосвязи друг с другом, и впоследствии получили отражение в Декларации принципов

международного права, во множестве договоров регионального и универсального характера. Они дали начало и развитие многим институтам международного права. Тем самым латиноамериканский континент как региональное сообщество государств демонстрирует свой вклад в прогрессивное развитие международного права.

Следует обратить внимание также на методы продвижения в практику доктринальных норм: изначально они оглашались в форме дипломатических нот и затем закреплялись на региональных конференциях и в региональных международных договорах. Впрочем, есть и другая сторона продвижения доктрин – их научное осмысление и изложение с точки зрения международного права в специальных работах. Научная школа международного права латиноамериканских государств также известна определенной самобытностью и именами юристов-международников, одним из которых, например, был Эдуардо Хименес де Аречага; его учебник в свое время был переведен на русский язык и издан в нашей стране [Хименес де Аречага 1983]. Но исследование научного осмысления латиноамериканской школы международного права требует еще одной – новой – статьи.

Список литературы

1. Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. 2021. Внутриотраслевой способ кодификации международного частного права (на примере стран Латинской Америки). – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С.204-235. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.204.235
2. Мамедов Л.Р. 2021. Доктрина Кальво и принцип исчерпания внутренних средств правовой защиты. – *Евразийский юридический журнал*. № 7. С. 68-69.
3. Фархутдинов И.З. 2015. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: теория и практика. – *Евразийский юридический журнал*. № 11. С. 34-38.
4. Хименес де Аречага Э.1983. *Современное международное право*. М.: Прогресс. 480 с.
5. Шумилов В.М. 2014. Взгляд на историю международных отношений и международного права в контексте цивилизационного подхода. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 46-64. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-3-46-64>
6. Álvarez S. T. 2021. Un continente en el sistema internacional. Notas sobre la soberanía estatal desde América Latina. De Doctrinas a Teorías. – *Revista de Historia Americana y Argentina*. Vol. 56. No. 2. P. 233-273. DOI: <https://doi.org/10.48162/rev.44.018>
7. Brum B. 1920. *Solidaridad Americana*. Montevideo. 32 p.
8. Calvo C. 1868. *Derecho internacional teórico y práctico de Europa y América. Tomo Primero*. Paris: D'Amyot. 521 p.
9. Cerrano C. 2019. El impacto de la doctrina Larreta en la política interna uruguaya (1945-1946). – *Revista de la Facultad de Derecho*. No. 47. P. 1-32. DOI: <https://doi.org/10.22187/rfd2019n47a12>
10. *Problemáticas internacionales y mundiales desde el pensamiento latinoamericano Teorías, Escuelas, Conceptos, Doctrinas, Figuras*. Devés E., Álvarez S. T. (Editores). 2020. Santiago de Chile: Ariadna Ediciones. 338 p.
11. Díaz de Zamora E., Miró Colmenárez P. J. 2022. Crítica sobre la institución de reconocimiento de gobiernos a la luz de dos gobiernos que reclaman su legitimidad (Venezuela). – *Revista de Direito Brasileira*. Vol. 31. No. 12. P. 125-150. DOI: doi.org/10.26668/IndexLawJournals/2358-1352/2022.v31i12.8465
12. Drago L. M. 1906. *Cobro coercitivo de deudas públicas*. Buenos Aires. Coni hermanos, Editores. 169 p.
13. Cançado Trindade A.A., Moreno A.M. 2003a. *Doctrina Latinoamericana del Derecho Internacional. Tomo I*. San José, C.R.: Corte Interamericana de Derechos Humanos. 64 p.
14. Cançado Trindade A.A., Moreno A.M. 2003b. *Doctrina Latinoamericana del Derecho Internacional. Tomo II*. San José, C.R.: Corte Interamericana de Derechos Humanos. 66 p.

15. Lorences M. 2015. Las doctrinas Calvo y Drago: un verdadero aporte a la política y el derecho internacional latinoamericano. – *El Derecho: Diario de doctrina y jurisprudencia*. No. 13.750. P. 1-3. URL: <https://www.pensamientopenal.com.ar/doctrina/41706-doctrinas-calvo-y-drago-verdadero-aporte-politica-y-derecho-internacional> (accessed 26.03.2023)
16. Mendoza Bremauntz E. [et al.]. 2010. *La Revolución Mexicana a 100 años de su inicio. Pensamiento social y jurídico*. Coyoacán, Mexico: Universidad Nacional Autónoma de México. 350 p.
17. Menezes W. 2010. *Derecho internacional en América Latina*. Brasília: FUNAG. 368 p.
18. Ruda J. M. 1992. *Saavedra Lamas C. El apogeo de la política exterior Argentina*. Buenos Aires: Consejo Argentino para las Relaciones Internacionales. 57 p.
19. Sepúlveda, C. 2009. *Derecho Internacional Público*. 26 edición. México. 748 p.
20. Tah Ayala E. D. 2021. El principio de no intervención en América Latina: el corolario Roosevelt y la Doctrina Drago. – *Intersticios sociales*. No. 21. P. 173-195.
21. Villarroel Peña Y. U. 2011. América Latina y su papel en la configuración del derecho internacional. – *Politeia*. Vol. 34. No. 46. P.111-131.
9. Erpyleva N.Yu., Get'man-Pavlova I.V., Kasatkina A.S. Vnutriotraslevoi sposob kodifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava (na primere stran Latinskoi Ameriki) [Intra-Branch Method of Codifying Private International Law (Case of Latin American States)]. – *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2021. No. 2. P.204-235. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.204.235
10. Farkhutdinov I.Z. Mezhdunarodnoe pravo o printsipe neprimeneniya sily ili ugrozy siloi: teoriya i praktika [International law on the principle of the nonuse of force or threat of force: past and present]. – *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2015. No. 11. P. 34-38. (In Russ.)
11. Jiménez de Aréchaga E. El Derecho internacional contemporáneo (Russ. ed.: Jiménez de Aréchaga E. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo*. Moscow: Progress Publ. 1983. 480 p.)
12. Lorences M. Las doctrinas Calvo y Drago: un verdadero aporte a la política y el derecho internacional latinoamericano. – *El Derecho: Diario de doctrina y jurisprudencia*. 2015. No. 13.750. P. 1-3. URL: <https://www.pensamientopenal.com.ar/doctrina/41706-doctrinas-calvo-y-drago-verdadero-aporte-politica-y-derecho-internacional> (accessed 26.03.2023)
13. Mamedov L.R. Doktrina Kal'vo i printsip ischerpaniya vnutrennikh sredstv pravovoi zashchity [The Calvo doctrine and the principle of the exhaustion of domestic remedies]. – *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2021. No. 7. P. 68-69. (In Russ.)
14. Mendoza Bremauntz E. [et al.]. *La Revolución Mexicana a 100 años de su inicio. Pensamiento social y jurídico*. Coyoacán, Mexico: Universidad Nacional Autónoma de México. 2010. 350 p.
15. Menezes W. *Derecho internacional en América Latina*. Brasília: FUNAG. 2010. 368 p.
16. *Problemáticas internacionales y mundiales desde el pensamiento latinoamericano Teorías, Escuelas, Conceptos, Doctrinas, Figuras*. Devés E., Álvarez S. T. (Editores). Santiago de Chile: Ariadna Ediciones. 2020. 338 p.
17. Ruda J. M. 1992. *Saavedra Lamas C. El apogeo de la política exterior Argentina*. Buenos Aires: Consejo Argentino para las Relaciones Internacionales. 57 p.
18. Sepúlveda, C. *Derecho Internacional Público*. 26 edición. México. 2009. 748 p.
19. Shumilov V.M. Vzgl'yad na istoriyu mezhdunarodnykh otnoshenii i mezhdunarodnogo prava v kontekste tsivilizatsionnogo podkhoda [View on the History of International Relations and International Law in a Context of the Civilization Approach]. – *Moscow Journal of International Law*. 2014. No. 3. P. 46-64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2014-3-46-64>
20. Tah Ayala E. D. El principio de no intervención en América Latina: el corolario Roosevelt y la Doctrina Drago. – *Intersticios sociales*. 2021. No. 21. P. 173-195.
21. Villarroel Peña Y. U. América Latina y su papel en la configuración del derecho internacional. – *Politeia*. 2011. Vol. 34. No. 46. P.111-131.

References

Информация об авторах**Марина Владимировна Голубева,**

аспирант кафедры международного права, Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

119285, Российская Федерация, Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А

marinagolubeva@inbox.ru
ORCID: 0009-0006-7798-5452

About the Authors**Marina V. Golubeva,**

Postgraduate student at the Department of International Law, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation

6a, Vorobyovskoye shosse, Moscow, Russian Federation, 119285

marinagolubeva@inbox.ru
ORCID: 0009-0006-7798-5452